

ИЗ НЕПРОЧИТАННОГО

© 1992 г., ЭО, №, 4

Н. И. Гаген-Торн

ПРОКОФЬЕВЫ В ЯНОВОМ СТАНЕ

Ленинградский Географический институт, преобразованный в 1925 году в Географический факультет Ленинградского университета с двумя отделениями: общегеографическим и этнографическим, в 1920-е годы осуществил первые выпуски этнографов. У колыбели этнографического отделения стояли крупнейшие ученые, профессора В. Г. Богораз-Тан и Л. Я. Штернберг. Именно по их инициативе этнографические экспедиции студентов начинались уже с первых курсов. В 1921 году многие студенты, в том числе и Г. Н. Прокофьев, участвовали в работах Северной научно-промысловой экспедиции. В последующие два года студенты проходили практику в дальних районах Севера. Поехало около 80 человек, среди них и студентка Нина Гаген-Торн. В значительной степени благодаря таким экспедициям студенты к моменту выпуска из университета были вполне сложившимися исследователями. Некоторые из них предпочли деятельности в городских научных учреждениях работу в отдаленных районах Севера и Сибири. Там они обучали грамоте население, организовывали первые национальные школы, составляли словари и грамматики языков малых народов, писали первые буквари, подготавливали создание письменности. И при этом постоянно занимались этнографией, используя фактически тот самый метод включенного наблюдения, который и сегодня высоко оценивают исследователи.

Нина Ивановна Гаген-Торн впоследствии в мыслях все время возвращалась к двадцатым годам — годам своей юности, первых этнографических наблюдений, и надеялась посвятить всему увиденному и прочувствованному специальную книгу.

Замыслам этим не суждено было сбыться. Жизнь распорядилась иначе: в 1936 году — первый арест, пять лет лагерей на Колыме, где в тяжелейших условиях, работая возчиком на быках и лошадах, пастухом, лесорубом, Нина Ивановна все же ухитрялась урывками что-то писать (всегда слагались стихи: вдруг, как писала она позже, — «вставала картина»). После лагеря — ссылка в Челябинскую область, затем кратковременное возвращение в Ленинград и работа в Академии наук. А в 1947 году — второй арест, опять пять лет, на этот раз Темниковские (Мордовские) лагеря, та же нелегкая жизнь, которую и жизнью то назвать трудно — и тем не менее написаны «заготовки» для повести «Второй тур», заметки о северной природе, воспоминания о своем учителе Л. Я. Штернберге и о тех же двадцатых годах. В 1953 году она была амнистирована и лишь в 1956 году реабилитирована. Затем несколько лет работы в Институте этнографии (опубликовала ряд статей). В 1960 г. Нина Ивановна уходит на пенсию и отдается литературной деятельности.

В ее обширных планах и книга о двадцатых годах. «Схема такая, — писала она в конце 1979 г. в своем «Дневнике». — Как неуверенные ноты — отдельные поездки 21—22 годов. 23-й год — речь Штернберга о значении этнографии, короткий массовый сбор материала под командой Гринковой. Моя жизнерадостная болтовня от Мурманска до Приуралья. 24—25 годы — поездка в Сибирь Нади (Дыренковой), Глафиры (Василевич), Прокофьева. На Дальнем Востоке Сергей Стебницкий строит школы и пишет буквари. Лев Яковлевич пишет «Избранничество в религии».

Книга, к сожалению, написана не была. Нина Ивановна скончалась в 1986 году. Остался ее большой личный архив, в котором и очерк о Прокофьеве.

«Достала материалы Прокофьева. Какой огромный труд он проделал! Какая лингвистическая и этнографическая работа! И — все лежит без употребления... Он был не только ученым, но и художником... его картины пропали в блокаду. Жизнь катится дальше, никто и не вспоминает о нем. Надо вспомнить! Не столько его, сколько двадцатые годы и их атмосферу... Надо сделать вовсе не описание одного Прокофьева... Необходимо показать, что статья Штернберга «Избранничество в религии» — итог того, что молодые этнографы черпнули в море шаманских камланий». Вспомнить, «как были брошены прощупать жизнь, еще не тронутую механическим светом XX века, молодые души. Понимал ли Штернберг, на что он их посылал?» (из «Дневника Н. И. Гаген-Торн». VI. 1979). Разумеется, и Штернберг, и Богораз-Тан это понимали. Однако собственный опыт убедил их в том, что нельзя узнать изучаемый народ, не пожив его жизнью, нельзя помочь этому народу, не решая на месте многих научных и практических задач.

В дневниковых записях Н. И. Гаген-Торн проявилось ее весьма противоречивое отношение к Г. Н. Прокофьеву. С одной стороны — глубокое уважение к нему, высокая оценка его работ, преклонение перед его подвижничеством, с другой — искреннее возмущение им. «Увлекался, — пишет она, — грамматикой. Ему казалось чрезвычайно важным установить, как в селькупском языке хранилось скрещение самодийских, принесенных с Алтая, корне-слов, с тем, что было получено

от северных аборигенов. И как сформировалась грамматика этого языка. Следовал традиции Кастрена: выводить историю народа из языковых связей. А наблюдать и схватывать живые явления шаманства не умел. А психология шаманского творчества — важнейшее, что следовало изучать». Видимо, такие суровые слова вызваны недооценкой, по мнению П. И. Гаген-Торн, исследователем шаманства, о котором она сама могла писать только восторженно. Нина Ивановна вообще умела мыслить яркими образами, испытывать, по ее собственным словам, озарение, замирать в восторге даже в страшном колымском лагере, наблюдая огромное северное Небо (заглавная буква — ее!). И в шаманском камлании она увидела власть этого Неба над человеком. Эта власть и «вызывает потребность шаманства — ударов бубна и пляски, как дороги к Небу... Все шаманство — отыскивание дороги...» (Из «Дневникс Н. И. Гаген-Торн». 27.VI.1979).

Но при всем различии характеров, психологии, восприятия и точек зрения на объект изучения, Нина Ивановна отдавала должное Г. Н. Прокофьеву, поэтому и занялась так тщательно его архивом, частично обработанным Е. Д. Прокофьевой, перепиской Прокофьева, воспоминаниями Е. Д. Прокофьевой. В итоге — ею и была подготовлена эта статья, основанная главным образом на дневнике Г. Н. Прокофьева. Некоторые сокращения и перекомпоновка повествования осуществлены мной. При этом тексты дневниковых записей остались неизменными, пропуски отмечены многоточиями.

Г. Ю. Гаген-Торн

* * *

В 1925 г. В. Г. Богораз сумел получить дотацию на длительные экспедиции молодых этнографов. Прокофьевы — Екатерина Дмитриевна и Георгий Николаевич, захватив с собой десятимесячную дочку, поехали в Туруханск.

Из воспоминаний Екатерины Дмитриевны:

«В Туруханске мы жили в школе на „угоре“, рядом с церковью Василия Мангазейского, в одной ограде. Может быть, это была раньше церковно-приходская школа. С угора открывался вид на слияние Нижней Тунгуски с Енисеем и дальше, через Енисей, на устье реки Турухан. Тунгуска в этом месте широкая, течение ее обманчиво-спокойное. На самом деле в ней много „улов“, где вода втягивает все, даже большие бревна. Они исчезают в крутящихся воронках и выплывают много ниже, совсем измочаленные. Проходившие мимо улов лодки старались держаться как можно дальше... К концу лета в Туруханске вспыхнула эпидемия кори. Мимо наших окон пронесли много гробов — умерших от этой болезни детей и взрослых... Мы очень боялись за Лельку ... Все же она, видимо, в легкой форме переболела».

В конце августа 1925 г. Туруханский уездный исполком зачислил Г. Н. Прокофьева заведующим инородческой школой на Яновом Стане, но только к концу сентября была выделена илимка (большая крытая лодка, перевозящая людей и грузы) для отправки товаров потребительского общества и вновь назначенного секретаря райисполкома Головатова с семьей и учителя Прокофьева с семьей. Были также выделены два «лямщика», чтобы тянуть судно, и проводник — тунгус Егор.

Янов Стан находится в 470 км от Туруханска, вверх по р. Турухан. Сообщение летом на илимке, зимой — на оленях. Исстари илимка двигалась под парусом и на веслах или при помощи «лямщиков», которые шли по берегу и тащили ее.

Е. Д. Прокофьева вспоминает:

«Погода стояла очень ясная, когда мы выехали, наконец, из Туруханска. Вошли в устье р. Турухан. Берега низкие — узкий „песок“, окаймленный кустарником ивы. Лямщики широким шагом, сильно согнувшись, идут по песку — тянут илимку. Где людям не пройти — илимка подтаскивается к берегу и лямщики превращаются в гребцов. Среди дня и на ночь илимка пристает к берегу: разводим костер, варим чай, уху, если удастся купить у встречных рыбаков рыбу...».

Начиная со дня отъезда, Г. Н. Прокофьев ведет подробный дневник своей работы:

«23 сентября (6 октября) выехали из Монастыря (старое название Туруханска.— Н. Г.) в 5 часов утра. Весь день прошли на веслах; на ночевку встали возле Старо-Туруханска, который расположен по р. Шар, две версты ходу. В настоящее время здесь только восемь дворов — большинство жителей переселилось в Монастырь... Любопытна старая церковь, рядом с которой две колокольни под навесом... Население производит приятное впечатление, особенно симпатичным оно кажется после озлобленных и жадных монастырян... На третью ночь остановились близ фактории Фарково, не доходя до нее верст десять. На разведенный нами костер приплыли в своих легоньких „ветках“ остяки, т. е. байшинские остяко-самоеды... В Фарково простояли часа 2—3. Это последний населенный пункт, где можно кое-что закупить. Здесь стоят пять чумов. Это одно из немногих мест, куда тяготеют байшинские остяко-самоеды...

Погода, начиная с третьего дня пути, резко изменилась. Стало холодно и пасмурно. По временам — дождь. В нашей илимке резко континентальный климат с ярко выраженными колебаниями суточной температуры... Характерной чертой быта жителей илимки является полулежачий, полуползучий образ жизни. Стоять в илимке во весь рост нельзя, а на вещах, которыми заложены $\frac{3}{4}$ нашего помещения, можно только ползать на четвереньках... Пока стояла хорошая погода, чай происходили на палубе, и наши лямки забирались в илимку лишь на ночевку. Настали дожди, задул „север“. Участились „чай“, которые к тому же переселились в илимку... нередко чаепитие... затягивалось часа на 2... На рассвете просыпаешься от холода, встаешь, растапливаешь печь; в 6 часов начинается жизнь в илимке.

Оказалось, что наш „опытный“ проводник Егор ездил по Турухану всего 2 раза. Местности он совершенно не знает... Там, где он предсказывает мель, ее обычно не бывает, где он о мели не предупреждает, мы садимся на мель... Бывало и так — Егорушка заявляет, что за мысом, который мы должны обогнуть, будет речка, называет название... Огибаем мыс — речки не видать. Обогнули уже не один, а три мыса, речки все нет. На вопрос „Где твоя речка?“ — Егор сначала сердится, а затем с невозмутимым видом говорит: „Да ведь мы ее прояхала!“...

На седьмой день пути погода круто повернула к зиме. Выпал большой снег (до двух вершков слоем)... Длинные вереницы гусей потянулись к югу... По случаю противного ветра и сильной пурги встали на стоянку в 4 часа дня. Настроение у всех тревожное: неужели это зима?! До Янова Стана верст 300, больше половины пути... Если Турухан встанет — нам предстоит невеселая перспектива: окопаться в землянке и ждать санного пути, чтобы продолжить путь уже на оленях... Муки у нас всего фунтов 20. Есть 4 пуда соленой рыбы... Ночью север, как будто, начал сдавать, но к утру задул с новой силой... Местами на реке, по берегам, появилась шуга... Стоит ветру немного стихнуть и Турухан встанет!... Егор советует добраться до Баихи, где верстах в 10 от устья есть фактория Госторга. Там можно переждать санного пути. Но выяснилось, что фактория находится не в 10, а в 100 верстах. Это рассказал приплывший к нам остяк Петруха. Спросили Петруху, что он думает о нашем пути... — „Тепло будет — доедете! Холодно будет — Турухан встанет“... Петруха — красивый остяк, во всей его фигуре чувствуются большая ловкость и сила... На вопросы не отвечает. И не потому, что не понимает их, а такова его привычка. Он едет на легкой „ветке“ с почтовым пакетом, который должен доставить в Фарково. К вечеру думает быть обратно и обещает помочь добраться до устья Баихи. После полудня ветер стал стихать и мы отправились дальше... Осень без спора уступила место зиме. Как это здесь быстро делается! Лиственницы, вчера еще желтые, осыпались сегодня и окутаны снегом. Зеленая трава бесследно скрылась, вода почернела. Весь день прошли бечевой... Ясная лунная ночь позволила наверстать потерянное утром время... На фоне полного безмолвия вдруг раздается заунывная песнь — это остяк Петруха возвращается из Фарково. Какой своеобразной, жуткой поэзией полны звуки остяцкой песни, уносящиеся в далекую, бесконечную тайгу...

На следующий день нам повезло: ветер подул с юго-запада. Мы весь день шли под парусом. В полдень прошли устье Баихи... За весь день 1 октября прошли верст 70... Во время ужина к нам подплыл старик-остяк... Он сказал, что Турухан замерзнет не скоро: „Утка еще не улетает, глухарь на землю не садится“. По его мнению, мы успеем добраться до Янова Стана...

* Г. Н. Прокофьев в своем «Дневнике» упоминает бытовавшие в 1920-х годах названия народов. Так, остяко-самоеды байшинские и тымско-караконские — устаревшие названия этнотерриториальных групп северных селькупов; юраки тазовские — прежнее название тазовских ненцев; тунгусы лакагирские — устаревшее название части западных эвенков.

На следующее утро ветер сильно спал... Мы ползли наподобие черепахи... Лямщики решили отдохнуть: „песок плохой,... на веслах тоже далеко не уедешь“... Наконец такая езда надоела и самим лямщикам, и они взялись за весла...

Чем выше поднимаемся по Турухану, тем живописнее становится местность: берега реки выше, местами встречаются настоящие горные хребты, покрытые хвойной тайгой (ель, кедр, пихта, лиственница). По краю берега глубоко в воду спускается ивняк... Редко здесь встретишь человека. Здесь живет только медведь, да глухарь весной свою любовь поет...

На следующее утро мы должны были, как сообщил Егор, доплыть до речки „Медвежьей“, но речки этой не оказалось ни утром, ни днем, ни вечером. Добрались до нее через день в полдень. Здесь нам снова посчастливилось — попутный ветер... дал возможность добраться до речки Марковки. До Янова Стана верст 20—25... В 5 верстах выше Марковки живут остяки. Здесь стоит олений сарай — деревянный сруб, куда летом загоняют оленей. Это убежище от гнуса: у входа разводят дымокур. Недалеко от сарая стоят два чума. Остячка занята приготовлением лепешек. В чуме поставлена железная печка. Обстоятельство это, правда, оскорбляет вкус первобытника, но с точки зрения гигиены заслуживает всяческого одобрения. Близ чума — амбарчик „на куриных ножках“: в нем остяк хранит свое имущество — лук, стрелы, огнеприпасы, материалы для рыболовных снастей. Над амбарчиком поставлен „шайтан“: березовая лесина с прикрепленной к концу резной гагарой. К лесине подвязаны лоскутки белой материи: хозяин чума — шаман... До Янова Стана осталось всего два плеса. Навстречу нам приплыли два остяка... Оба плеса прошли под парусами... Вот и весь он, Янов Стан — столица Тазовской тундры»...

Невелик был в 1925 г. Янов Стан: на угоре, над рекой четыре бревенчатых сруба, постройки еще царского времени: фактория, склад, Тазовский РИК; в четвертом доме, видимо, раньше тоже были склады. В 1924 г. там помещалась школа. По стенам были прибиты нары, посередине стояли скамьи и стол. В этом помещении ученики спали, ели и занимались. Рядом была клетушка для учителя.

Коренное население в поселке постоянно не жило. Наезжали в магазин Потребительского общества сдавать пушнину и закупать товары. Председателем общества был селькуп З. Безруких, продавцом — также селькуп Л. Андреев. Они и жили в Яновом Стане. Жила также семья бедняка-кета. Бедность его была предельной. Он потерял жену и остался с двумя детьми. Ребята его были взяты в школу-интернат, где постепенно оправились.

Селькупы стояли чумами неподалеку от поселка в лесу. Жили разбросанно, оседлых поселков не было.

Наезжали в Янов Стан юраки с Таза, эвенки с верховьев той же реки, а также селькупы, кеты. Русского населения в Тазовской и Туруханской тундре до революции не было, если не считать семей Завадовского и Сидельникова. Обе семьи жили своим хозяйством, их местожительство указывалось на старых географических картах: „Изба Завадовского“ и „Изба Сидельникова“. Многие годы работал в тундре единственный русский фельдшер Фильченко — вся медпомощь на громадной территории.

Словом, это была этнографическая „целина“, о которой почти ничего не было известно. И о селькупах в литературе имелось очень мало сведений. Основные работы принадлежали перу финского ученого Кастрена, занимавшегося самодийской лингвистикой, в том числе и селькупской.

Екатерина Дмитриевна вспоминает приезд в Янов Стан:

«Помещением для учителей была комнатка примерно в восемь кв. метров. В комнатке маленькие окошки, почти на земле железная печурка „буржуйка“. Выход — прямо в тайгу. У стены — топчан, у окна — стол и скамья. Мы добавили еще детскую кроватку, которую соорудил местный конюх, он же плотник. Холод в комнатке был такой, что вода в ведре за ночь замерзала комом, а шевелюра Г. Н. примерзала к стене. Подушку с постели мы не снимали, так как под ней был сугроб. Днем без перерыва топили печурку. В полярную ночь семилитровая лампа горела весь день. Мы втащили наши вещи и стало так тесно, что едва повернешься. А дверь не закрывалась».

втискивались селькупы — мужчины, женщины. Все говорили на своем языке, осматривали нас в упор и даже на ощупь... А Лелька, как только все визитеры ушли, стала сползать с топчана. Вырвала у меня свою ручку и... пошла самостоятельно.

Это были ее первые в жизни шаги — сегодня ей исполнился год. Свой „ползучий“ период она отползала на илимке.

Как-то сразу стало легче на душе, прояснилось будущее. Мы знали, что будет трудно. Но нас двое, мы справимся... Многому пришлось мне учиться...

Было происшествие и смешное. Я, как всякая сибирская хозяйка, наделала себе веников на зиму... Повесила их сушить на стену дома, снаружи... Однажды ночью слышу, что какой-то зверь, фырча, подошел к двери, топчется, трогает дверь... Ясно — медведь! Я разбудила Г. Н. Он довольно спокойно отнесся к этому, а я требовала, чтобы он хоть вытащил ружье, приготовился, если уж боится выйти и прогнать медведя. Г. Н. нехотя вытащил ружье, но ничего не предпринимал. А зверь все топтался у двери, крючок на ней подпрыгивал... Немного погодя фырчки утихли... Зверь ушел... Конечно, я не спала. Г. Н., конечно, уснул! Утром я потихоньку открыла дверь и увидела — коровьи лепешки! Потребобщественную корову прельстили мои свежие веники! Как смеялся Г. Н., делая вид, что он знал это и ночью! Долго он мне вспоминал этого „медведя“!

С первых дней приезда на Янов Стан Георгий Николаевич продолжает дневниковые записи своей педагогической и этнографической работы. Записи, сухие и четкие, отражают всю жизнь исследователя и его учеников. Но нигде, ни одним словом, не упоминает он, что рядом с ним жил и работал другой этнограф — Екатерина Дмитриевна. На ее плечи падали трудности быта: выпечка хлеба, заготовка бесконечных дров — у Георгия Николаевича была астма — уход за годовалой дочкой, готовка и... изучение селькупского языка.

Из письма Г. Н. Прокофьева в институт, проф. В. Г. Богоразу (29.10.1925)

«... Янов Стан — место очень бойкое: это центр Тазовской тундры. Здесь уже второй год находится инородческое общество потребителей и сюда, в течение зимы, приезжают все инородцы Тазовского района — остяки-самоеды баишинские, тымско-караконские, юраки тазовские, тунгусы ланкагирские. При обществе Потребителей я немедленно учредил Статбюро, думаю провести полную статистику населения Тазовской тундры. Усиленно занимаюсь изучением языка... Я хочу поставить опыт преподавания грамоты на родном языке. Это мое предложение было одобрено в Туруханском УИКе... Работы у меня очень много как по интернату, так и лично моей — научно-исследовательской. По интернату, помимо учебно-преподавательской работы, на мне лежит хозяйство. У меня десять человек иждивенцев, которых я должен одеть, накормить, отопить, а, главное — чему-то обучить! Не знаю, насколько хорошо я сумею выполнить эту последнюю задачу... И не потому, что не верю в свои педагогические способности, а потому, что в инородце приходится отметить странную, я бы сказал парадоксальную, черту: с одной стороны, он преисполнен энтузиазма к науке, все его интересует, с другой стороны — непролазная лень ко всякому насилью над самим собой. Вот эта инертность, которая стоит в таком резком противоречии с жаждой учиться, меня сильно смущает. Не знаю, может быть, мое первое впечатление не соответствует действительности. Это покажет время. Теперь несколько слов о моих дальнейших планах. В них нет ничего окончательного, я высказываю их исключительно желая с Вами посоветоваться. В предыдущем письме я высказывал желание будущее лето использовать для продолжения работы среди енисейцев. Сейчас этому плану противопоставляю другой: благодаря моей работе в Тазовском районе связь моя с инородцами Таза будет значительно ближе и глубже... Я считаю более рациональным (и для себя желательным) продолжать работу на Тазу, раз мне суждено было попасть сюда. Здесь, на Яновом Стане, я могу собрать статистический материал, могу изучить язык, могу, наконец, собрать обширный этнографический материал... Зимой мне не удастся совершать дальних поездок, так как я связан службой... Я мог бы использовать лето на разъезды. Например, в высшей степени интересно было бы подняться на лодке или на „ветке“ по Тазу. К весне я буду хорошо знать язык... Напишите мне, пожалуйста, о своем мнении по этому вопросу...».

Проблемы лингвистики Г. Н. Прокофьев считал наиболее важными для установления происхождения изучаемого народа. На основании языковых данных

он установил связь селькупов с самодийскими племенами, обитавшими на Алтае. Вытесненные далеко на север, селькупы смешались там с аборигенами. В силу изменившихся географических условий многое изменилось в материальной культуре селькупов. Но язык сохранил древние связи. Г. Н. Прокофьев усиленно занимался языком. Начиная с ежедневных наблюдений и дневниковых записей.

Из дневника Г. Н. Прокофьева

«5 ноября 1925 г.

К вечеру приехали с Таза остяк Кыткин и остяк Сойгочин, вместе с женой приказчика Аркадьева, ездившей на Таз.

Кыткин два года работал председателем Тазовско-юратского родового совета, ездил делегатом в Красноярск с 1 марта по 20 июня. Он видел железную дорогу, аэроплан. На мой вопрос, как ему понравилось все это, он ответил: „Ничего, ладно“. Ему предлагали уехать в Москву, но он отказался: „Шипко уж далеко. Домой захотелось...“ Он состоит членом Туруханского УИКа. Жалованья не получает. В качестве председателя родового совета получает 40 рублей.

6 ноября.

Малахеевна (жена приказчика Аркадьева) привезла с Таза девушку-юратку лет 16-ти. На мой вопрос — „Кто она?“ — Малахеевна ответила: „Это моя невестка, недавно ее купили за 30 оленей...“. И так, это — будущая жена 13-летнего Леньки, который привез себе с Таза излюбленную игрушку — бубен... Целый день бегает и шаманит — хорош жених! Игрушечные бубны часто встречаются как забава среди остяцких мальчуганов. Невестка Лени очень миловидна, всей своей фигуркой и лицом она... выделяется среди виденных мною остячек.

Днем приехал тунгус Савелий Давындук. По внешнему виду тунгусы резко отличаются от остяко-самоедов. Не говоря уж об одежде: тунгусская парка в талию, бакари тунгусского покроя и особенно характерна шапка. Но и самый тип лица сразу выдает тунгуса; монгольский тип выражен наиболее рельефно: лицо плоское, переносье — низкое, скулы очень сильно развиты, монгольское веко выражено сильнее, чем у остяков, волос прямой, черный, белокурых или русских мне пока наблюдать не приходилось. В противоположность тунгусу остяко-самоед отличается менее четко выраженным монгольским типом... Можно отметить несколько резко отличающихся по своим чертам антропологических типов остяко-самоедов. Смуглый тип наиболее характерен для баишинских самоедов. Волосы черные, большей частью волнистые, иногда кудрявые. Глаза — темно-карие, почти черные. Второй тип не столь резко смуглый, волосы волнистые, по оттенку светлее, более светлая кожа. Глаза далеко не всегда темные, часто встречаются серые... Нос часто тонкий, с горбинкой, что придает лицу характер североамериканского типа. Вероятно, он отражает один из пластов (при этом, по-видимому, очень древний, палеоазиатский) из тех бесчисленных наслоений, из которых состоит „конгломерат“ остяко-самоедов.

Третий тип я бы назвал финским. Он чаще встречается у тымско-караконских остяко-самоедов. Характерные черты: светлые, иногда розовые, оттенки кожи, волосы значительно светлее. Преобладают рыжеватые.

7 ноября.

Сегодня праздник 8-летия Октября. Где-то далеко-далеко в этот день народ ликует... На улицах Ленинграда жизнь кипит ключом. Знамена, плакаты, автомобили, бесконечные шествия, митинги, собрания. Гудят громкоговорители. Гремит Интернационал. А здесь, в далекой сибирской тайге, по-прежнему тихо. Даже еще тише, потому что сегодня лавка не торгует, нет никого приезжих. Октябрь отмечен красным знаменем, которое лениво свисает с флагштока. Да Колька-остяк нацепил себе красную ленту в петлицу и важно расхаживает как истый революционер.

Вечером устроили беседу. Созвали яновостанских жителей и в нескольких словах пояснили им сущность сегодняшнего дня... Я рассказал о ходе революции в Ленинграде, о ее значении, в частности для Севера.

8 ноября.

Приехали на оленях инородцы с реки Худосея — братья Кусамины и сестра их Кукушкина (вдова). Сделал несколько зарисовок остяцкого орнамента (на упряжке, на коробке).

Кукушкина овдовела давно. У нее пять человек ребят... промыслом занимается сама. Помогают дети — Мария 14 лет и Егор 12 лет. Любопытна перефразировка ее имени Елизавета — „Лизавина“.

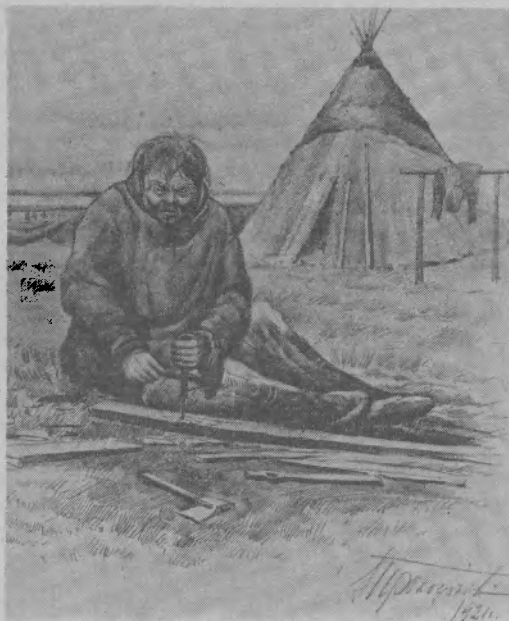

Рис. 1. Самоед за работой (карандаш). Этот и остальные рисунки сделаны Г. Н. Прокофьевым в 1920-е годы; хранятся в МАЭ (Санкт-Петербург, колл. 788)

Рис. 2. Самоед за работой (акварель)

10 ноября.

Приехали с Худосея Тамелькин Григорий и Николай Сойгочин с дочкой. Дочь Сойгочина поистине красавица... Рослая фигура, свежий цвет лица, волнистые волосы, белые, как снег, зубы и серые задумчивые глаза с поволокой, как будто нарисованные черные брови. Знает, что красива: ходит с таким достоинством. Я спросил отца, почему он до сих пор не выдал ее замуж. — «А кто со мной белковать будет? Сыновей у меня нет, да и был бы сын, не так бы, верно, белковал. Шипко хорошо она белкует...». В его лице что-то индейское. Когда я его нарисовал и показал ему, он разразился самым неистовым смехом. «Вот теперь я в двух местах жить буду, на Яновом Стане и на Худосее».

Рис. 3. Портрет Николая Ермиловича Сойгочина
(карандаш)

11—13 ноября.

Начал регулярно заниматься с учениками. Познания их в области грамоты весьма ничтожны: читают не то что по слогам, а по буквам. Порядок установил следующий: чтение и пересказ прочитанного. Если рассказ, после того как я прочту его связно, остается непонятым, я прошу рассказать его по-остяцки. В пересказах много курьезов. Так, один из учеников рассказывал о том, что Журавского (прошлогоднего учителя) пригласила к себе лисица и стала кормить манной кашей! На мой вопрос, что такое журавль, ответил: „Это такая длинная нога летает“.

Русский язык в переработке остяка является... объектом наблюдения: многие слова приобретают иное значение, чем то, которое мы им придаем; например тунгус Давындук Савелий, сообщая мне сведения по статистике и назвав членов своей семьи, на мой вопрос, не живет ли еще кто-нибудь в его чуме, заявил, что „есть еще одна маленькая парнишка, которую, однако, писать не надо: она прокисла“. Я сначала ничего не понял. Потом выяснилось, что у него есть еще один сынишка, больной чахоткой: „у него внутри все прокисло“. Слово „прокис“ употребляется вместо испортился. Так, санки могут прокиснуть, бакари могут прокиснуть.

Братья Сойгочины сведений по статистике... не дали: „Мне мой князь скажет, чтобы я писался, я буду писаться, а пока не скажет — не буду“.

17 ноября.

Занимался с учениками до 2 часов. В 3 часа поехал к Завадовскому, заведующему факторией Госторга на речке Кэт-пар, впадающей в Турухан в 12 верстах выше Янова Стана. С Завадовским (Павлом Владимировичем) я познакомился еще в Монастыре (Туруханске), он приплыл туда на илимке, чтобы доставить товары на свою факторию. Он произвел на меня впечатление чрезвычайно угрюмого... Насколько мало я вынес из первого знакомства, настолько много я получил от него во время беседы на Кэт-паре. Завадовский — большой оригинал, человек, который презирает всех, ему чихать на людей. Родился он в Канском уезде, в поповской семье, с юных лет забрался в дебри Туруханского края. Прожив всю жизнь в тайге, он, однако, не утратил интереса к жизни: из всех местных жителей он наиболее образованный и начитанный человек. Знает район вдоль и поперек,

живет с 1891 г.! Имел свое оленеводство, промышлял пушного зверя, рыбачил... Чувство собственного достоинства непомерное!... Но стоит ему показать, что ты ценишь его познания и огромный опыт, как он вылезает из своей берлоги и даже становится словоохотливым. Когда я приехал к нему... первый час разговор клеился с трудом. Вскоре я понял, в чем дело: он видел во мне столичного жителя, сознающего свое превосходство над убожеством туруханца. Но лишь только я проявил глубокий интерес, рассказал ему, что целью моей поездки является восторженное ознакомление с жизнью этой далекой окраины Сибири и попросил его рассказать мне о том, что он видел и слышал, — человек преобразился; рассказам его не было конца! Рассказал кое-что из своей жизни, затем сообщил много интересного об инородцах Таза, некоторые свои наблюдения над природой края. Многие годы прожил он на Тазу (несколько выше Тазовской церкви), здесь построился, сколотил себе значительное хозяйство (400 оленей). Обзавелся семьей. Любопытны имена, которыми он награждал своих детей: только старшая дочь Лидия, остальные дети имеют имена сверхчеловеческие — сыновей зовут: Фалл, Гемил, Кесарь, Дий. Двух младших дочерей — Ольда и Ариадна. „Я ничего не желаю делать так, как все люди... Ну их к чорту!“ — твердил он. Чем объясняется такая глубокая неприязнь к людям, я не знаю. В 1917 г. он был призван на войну. Срочно ликвидировал все свое хозяйство, оленей распродал. В городе Завадовский узнал о революции. Местная власть (новая уже) сначала отправляла его обратно, заявляя, что война кончилась и декреты о призыве аннулированы, но через неделю его отправили в Красноярск. Там у него обнаружили острый суставный ревматизм и он был признан негодным. Два месяца пролежал в госпитале, затем отправился обратно. Деньги за это время упали с катастрофической быстротой. Вчера еще состоятельный человек превратился в нищего. В 1923 г. получил предложение от Госторга заведовать Кэт-парской факторией. „Теперь сам не рад, что связался: не привык зависеть от кого бы то ни было. Покою нет с этим Госторгом! Нынче твердо решил отказаться, но уговорили еще на год. В будущем году все это к чорту! Займусь промыслом“.

18 ноября.

Расспрашивал Завадовского о быте остяко-самоедов. Совершенно неожиданным для меня было его утверждение, что остяко-самоедские шаманы имеют костюм наподобие енисейцев: парку с подвесками, бакари с железками, нагрудник, головной убор, — в науке есть убеждение, что у самоедов шаманского костюма нет.

Непонятное явление — это шаманство: я сколько ни видел разных шаманов — так-таки ничего и не понимаю. Сейчас как-то легкомысленно относятся к шаманам — шарлатан да и только!... Наука до сих пор не объяснила этого явления. Разве можно объяснить шаманство, причисляя его к явлениям гипноза?!

Георгий Николаевич в своих дневниках только мельком упоминает атмосферные явления, в связи с рассказом Завадовского о гало. Катя Прокофьева вспоминает подробнее:

«Это — поразительное явление: небо перечерчено параллелями и меридианами, обе главные линии отходят от подлинной луны, а и выше и ниже луны, в перекрестках — тоже луны! Они чуть слабее настоящей. И сбоку луны, и сверху — луны! Линии четкие, ясные.

В большой мороз бывает и солнечное гало: по обе стороны солнца, сверху и снизу появляются дополнительные солнца. Селькупы говорят об этом: „Солнце одело шапку и рукавицы“.

Не могу не вспомнить подобные явления, виденные мною на Колыме в конце 30-х годов: мороз — 50°. Лес — неподвижен. Закован в стеклянную броню. Светлым узором рисованы по стеклу тонкие ветки лиственниц. Сквозь перелеты ветвей смотрят на землю два огромных глаза, желтые как янтарь. Пристально смотрят. Неотличимо: где солнце, а где его отражение. Застыла под желтыми злыми глазами земля. Дыхание встает плотной белой струей. Плевков падает льдинкой на снег. Все неподвижно. Белые красноглазые куропатки, которые всегда бегают по снегу — спрятались в снежные норки. Тишина. Нум (небо по-селькупски) смотрит на землю двумя глазами.

И вновь «Дневник Прокофьева»

«21 ноября [1925].

Сегодня утром у меня произошел несколько неприятный инцидент с учениками. Не успел попить чаю, как ко мне ввалились четыре человека и заявили, что надо обсудить один вопрос.

Во вновь построенном школьном здании на полу набросано много щепок, навален снег: „Кто убирать будет?“. Я предложил: „Вас десять человек — в четверть часа все готово будет“. Несколько подумав, двое из присутствовавших заявили, что работать не желают, просят для очистки школы нанять человека.

„Я приехал учиться, а не мусор выгребать“, — с вызывающей физиономией заявил Микко. Я ответил, что ему должно быть стыдно так говорить: мы в течение полутора месяцев стараемся для учеников, заботимся о том, как бы лучше их обслужить, а он, приехав пять дней назад, пальцем не хочет пошевелить, чтобы помочь нам в работе. „Я пришел на готовое, — продолжал он тем же дерзким тоном, — однако не все готово“.

„Как видишь, — сказал я, — и если не хочешь помочь нам в работе, можешь ехать домой. Много людей желают учиться и не могут быть взяты в интернат за отсутствием места“.

„Ладно, поеду домой. Пойдем, ребята, в РИК, скажем, что учитель из школы гонит“.

22 ноября.

„Секрет изобретателя“ вчерашнего инцидента найден. Виноватым оказался Мишка Яроцкий (организатор комсомола). Мне простодушно признались ученики, что на „комсомольских беседах“ он говорил, что никакого начальства теперь нет и слушаться они не должны никого, кроме него. Несколько слов о Мишке: это безграмотный 18-летний парень, нахватавшийся громких фраз, записавшийся в ВЛКСМ и решивший, что он самый просвещенный человек на Яновом Стане. Среди учеников он нашел благоприятную почву для безграмотной проповеди. Однажды я слышал отрывок его „бисед“ (как он пишет). „И вот рабочий класс сплотился, подал руку крестьянину и низвергли его буржуазии... и только потому мы свергли его буржуазии, что рабочий класс, росейский пролетариат, подал свою мозолистую руку росейскому крестьянину...“. Дальше был приведен мировой капитализм, который сидит на шее рабочего. Затем он начал говорить... о съезде партии. „И приехали на эти съезды и рабочие и крестьяне, и немцы и французы и магометане...“. Стиль Мишки достаточно ясен. Когда я явился на одну из „бисед“ — оратор немедленно умолк... Я выразил желание присутствовать на беседе с целью разъяснить ученикам ряд самых элементарных вопросов. Говорить о пролетариате, о буржуазии, о мировом капитализме нет никакого смысла. Примеры надо брать из экономической жизни тундры. Буржуя заменить скупщиком пушнины, пролетария — мелким рыболовом, скотоводом. На экономических условиях тундры попытаться разъяснить сущность социализма... В намеченном курсе политграмоты я полагаю вести работу именно так.

23 ноября.

Я составил расписание уроков, установил порядок дежурств. Работы — по горло... В большую перемену, перед обедом, в школу зашел Мишка. Я решил воспользоваться благоприятным случаем... Спросил, есть ли у него какие-нибудь полномочия из Райбюро партии относительно комсомольской пропаганды на Яновом Стане. Он мне заявил, что полномочий у него нет, но его очень просили организовать здесь ячейку, что бесед будет 20 000 и все пройдут без моего присутствия... Однако моя нотация попала в точку: вечером приехал Климентьев, привез из Туруханска почту... Пока мы сидели и беседовали о туруханских новостях, приходит Колька: „Миска тебе савут“. Оказывается, пришло письмо из Райбюро комсомольцу Яроцкому... „Будьте добры, прочтите вот это письмо и дайте нам необходимые разъяснения“, — вежливо и почтительно обратился ко мне Мишка. В письме было сказано коротко и ясно, что М. Яроцкому предписывается в работе войти в контакт с учителем. Даны разъяснения, как следует работать.

24 ноября.

Вчера у нас был первый урок географии. Я разъяснил своим ученикам, как движется Земля, почему бывают ночь и день, зима и лето... Кажется, вопросы эти они себе уяснили.

25 ноября.

Вечером занимался с учениками, сначала рисованием, цотом остяцкой грамотой. Тема для рисунка мною была дана следующая: изобразить небо с солнцем или луной, землю с деревьями, человеком, птицами, рыбами. К сожалению, рисунки получились единого характера, так как заимствование друг у друга предотвратить нельзя. Все же в рисунках много интересного. Первым делом надо отметить характерную для всех рисунков особенность: предметы, удобные для изображения в профиль, изображаются так; остальные рисуются либо в фас, либо в плане... Небо нарисовано в профиль — дуга изображает небосвод. Земля с деревьями, постройками, оленями — в профиль. Реки же и озера у всех нарисованы в плане. Рыбы в них и лодки — снова в профиль. На четырех рисунках вся земля делится рекою на „эту сторону“ и „ту сторону“. На „этой стороне“ все деревья смотрят вниз, на той стороне — вверх. Хорошо схвачен характер деревьев: лиственницы изображаются

с перпендикулярными ветвями, ели — с ветвями, наклоненными вниз, кедры — с ветвями, направленными вверх. Классическим является рисунок Василия Полиха: в левом углу, вверху — луна и звезды; это ночь идет. Олени и санки нарисованы на воздухе. Это означает, что они за лесом. Справа — земля „кончается“. Здесь, по-видимому, изображен ход в подземный мир. Что касается людей, изображенных под землей, то разъяснений относительно них получить не удалось.

26 ноября.

Вся беда в том, что многие думают, что идя в школу они оказывают учителю (и вообще администрации) одолжение.

„Я не хочу учиться — меня заставляют“, — сказал Микко. Ясно, что с учеником, который так рассуждает, многого не сделаешь, ведь это не мальчики, а взрослые люди! У них сложилось убеждение, что паек и одежду они получают „за то, что учатся“, а вовсе не „для того, чтобы могли учиться“. Из этого вытекает взгляд на ученье, как на своего рода коммерцию, где тоже можно торговаться... „Если ты не дашь мне новых валенок, я не буду учиться — уеду домой“, — волнуясь, угрожал Семен. При таком взгляде на школу работать с учениками чрезвычайно трудно. Я сделал попытку растолковать им, что учатся они для себя... Остяк слишком привык к русскому купцу. Поэтому в каждом русском он его видит: „Надо поторговаться“... Я решил созвать на завтра объединенное заседание школьного совета и ученического коллектива. Попрошу Захара (председатель Потребительского общества. — Н. Г.) растолковать своим сородичам, что к школе надо относиться иначе: школа не лавка.

28 ноября.

После утренних занятий состоялось объединенное заседание... „Мы хоть и очень заинтересованы в том, чтобы вы учились, — сказал им Захар, — но все же вы ничем нас не обязываете тем, что учитесь. Поймите, что вы учитесь для себя, для нашего народа. Впоследствии сами будете секретарями в своих РИКах, учителями в своих школах“.

1 декабря.

Вчера был у нас второй урок географии... Я объяснил, почему на севере климат холоднее, с длинной зимой и коротким летом, и почему по мере приближения к экватору климат становится теплее... Механизм вращения Земли вокруг собственной оси и вокруг солнца им понятен. Понятна смена дня и ночи, лета и зимы. На втором уроке географии они были способны объяснить все, что я им говорил на предыдущем. Но все это „на уроке“ и „для учителя“. В повседневной жизни... остается: земля — плоский круг, над ней сводом стоит небесная твердь, за которой еще два неба... Под землей — мир подземный, сообщение с которым происходит сквозь дупла толстых высохших лиственниц. Теперь мне понятен рисунок Ираля, где он рисовал землю в разрезе: наверху находится наш мир, внизу — мир подземный, населенный „лодзями“. Эти „лодзы“ боятся света..., когда же вечером солнце „проваливается“ под землю, лодзы вылезают сквозь дупла на поверхность земли. О быте лодзов мне пока не удалось узнать. Знаю только, что их гораздо меньше, чем людей: „А то бы мы часто видели их“ — пояснил Лыпа... Эти подземные лодзы по облику не отличаются, по-видимому, от человека. Но „подземные лодзы злые“.

3 декабря.

Сегодня у нас был урок политграмоты. Я обрисовал своим ученикам, как вследствие торговли (главным образом) общество расслоилось на богатых и бедных.

Вечером ко мне зашел Максим (Максим Безруких — известный „сильный“ шаман, селькуп из рода Орла: он часто бывал у Прокофьевых. У него был приобретен шаманский костюм, сданный позже в Музей этнографии и антропологии. — Н. Г.). Я сделал попытку нарисовать его. К сожалению, мне это не удалось — я слишком плохой портретист, чтобы рисовать такие лица. Взгляд у него острый, глаза глубоко сидят под нависшими надбровными дугами... Губы тонкие, плотно сжатые, в них как будто затаилась улыбка. Во всем лице выражение грусти. Редко встречаются такие одухотворенные лица... После тщетных попыток нарисовать Максима в фас я попросил его сесть в профиль... „Нет, — говорит он, — неладно так будет, буду прямо на тебя смотреть, а в угол глядеть худо“. Рассматривая серию портретов, Максим сразу узнал Васку-ира. „Вот у него лоб какой большой, это у всех больших шаманов так бывает“.

О шаманах

Е. Д. Прокофьева описала свои наблюдения за шаманами и шаманским ритуалом:

«Максим Безруких в эти годы находился в поре расцвета своих шаманских дарований. Особыми чудесами он еще не успел прославиться, так как недавно получил полный костюм. До получения шаманской железной шапочки Максим славился искусством камлания в темном чуме. «Как его ни завяжи, он всегда освободится, — говорили селькупы. — И в сети связывали, и веревками — все равно выйдет, не порвав сети. Теперь он не может этого делать, он имеет шапку, нельзя ему без огня камлать», — так объяснили символику шаманского костюма и атрибутов шамана».

Особый ритуал существует для «оживления бубна». Бубен «живой олень», на котором шаман путешествует. В то же время бубен — символ Вселенной, на нем изображения луны, солнца, небесных кругов, жителей неба. Колотушка, которой шаман ударяет в бубен, направляясь на поиски похищенной души больного, может служить лодкой при путешествии в загробный мир. Весь костюм шамана театрализует его пути в иные миры, показывая его превращение в оленя и в то же время — в птицу. Каждый узор на одежде, каждая побрякушка — символ, создающий театральное действие.

Екатерина Дмитриевна сохранила впечатления от виденного ею камлания «в светлом чуме».

«Ярко горит костер. Шаман сидит на шкуре оленя (если он направляется в верхний мир) или на шкуре медведя (если путь его в нижний мир). Он поет, ритмически ударяя колотушкой по бубну. Тихо в чуме. Изредка перешептываются сидящие вдоль стен люди. Вспыхивает пламя костра. Двое этнографов слушают песню. Станные образы несет песня. Шаман поет: «Отца священный сын потихоньку спускается. Позади себя небо бороздя крылатый, на земле останавливается. На эту, смертными людьми вытопанную землю — спускается. Вечернего солнца внизу останавливаются духи. Все выплывем!»

День жизни смертных людей кончился. В лесу, на древесных ветвях, души, оберегающие духи. Все за солнцем вниз повернулись. Вечер. Пронесся стерегущий дух с костлявым ртом, плывет через море вниз. Стережущий дух.»

Георгий Николаевич методически записывает. Катя — смотрит и слушает.

Из записей Г. Н. Прокофьева

«3 декабря, вечером, часов в 9, после долгих уговоров, Максим согласился пошаманить.

Усевшись на оленью постель, посланную на пол, он долго курил. Потом начал зевать. Зевки становятся все протяжнее... К этому времени ему подают бубен, только что нагретый над огнем. Все громче и громче становятся зевки. Тихо, медленно и ровно шаман начинает звонить в бубен. Это — именно звон. Нечто вроде благовеста. Зевота постепенно перешла в песнь. Удары в бубен становятся все чаще и громче... Он начинает беседовать с собравшимися шайтанами. «Вот вы собрались, я все же ваш хозяин, я сяду впереди вас». Максим сообщает нам: «Много собралось шайтанов в бубен, но не хотят они шаманить». Максим начинает их упрощать: «Людей собралось много, хотят они повеселиться. Сам я не хотел шаманить. Уж так меня просили, просили... Посадили на постель, дали в руки бубен. Надо уж пошаманить. Уж вы помогите, не мучайте меня... Давно я не шаманил», — поет он это с закрытыми глазами. Долго выпрашивает. Шайтаны не соглашаются — его доводы слишком ничтожны. Шайтаны отвечают ему (речитатив, быстрый удар в бубен): «Бубен новый, никто еще не шаманил с ним... Место чужое, знакомое... Может быть, бубен не настоящий. Может сделан не так, как надо». Начинается протяжная песнь. В песне шаман ведет своих шайтанов в лес, показывает им пень березы, которая была взята на обечайку бубна, рассказывает им, как березу срубили, обстрогали, согнули в обруч, приготовили кожу и т. д. Шайтаны убеждаются, что бубен сделан правильно. Но надо его испытать — крепко ударить в бубен несколько раз, приговаривая: «Если настоящий бубен — цел останешься, если плохой — лопнешь». Этого показалось шайтанам мало: «Бубен не закончен, нет на нем рисунка»... Снова уговаривает их шаман: «Доделают, выкрасят». Наконец шайтаны согласились. Предупредили шамана, что дорога ему предстоит трудная, долго мучить его будут: «давно ты не шаманил».

Перед тем, как отправиться в путь, Максим погадал: добрая будет дорога или худая. — Он бросил колотушку на середину комнаты: ляжетверху краской — хорошо,верху шкуркой — плохо.

Колотушка легла сверху краской. Перерыв: бубен понесли погреть. Шаман сидит на своем месте. Его трясет, как в лихорадке, пот с него льет градом. Ему очень хочется закурить, но шайтаны говорят, что теперь не до куренья: „Позвал нас, надо шаманить“. Максим испрашивает минутку перерыва, набивает трубку. В это время раздается пенье — старуха, мать Захара, подражая Максиму, поет его шайтанам: „Нечего ждать, нечего останавливаться, нечего курить, надо шаманить... Уж поздно, ночь на дворе, люди ждут...“. Максима снова зазнобило, снова он закачался и запел. Срочно принесли ему бубен, он начал неистово бить в него... „Легче как будто стало“. Шайтаны подхватили и понесли, по земле понесли, под землю... „Ш-ш-ш...чу... чу...чу“, — задерживает их Максим. Тяжело ему без парки и шапки. Он просит своих шайтанов позволить ему встать на ноги, тогда все же легче, но они не слышат его. „Рано, рано. Дорога тебе большая“.

Максим качается из стороны в сторону. Левая рука, держащая бубен, неустанно находится в движении, то притягивая бубен к себе, то отводя его... Правой рукой наносит удары.

Во время пения глаза закрыты... Говорят, что во время сеанса шаман ничего не видит, не слышит, не чувствует из того, что его окружает. Для него существует одно: его дорога, его шайтаны, их он видит, с ними разговаривает. Толкнуть его во время сеанса нельзя: это вызовет либо смерть, либо глубокий обморок. „Однажды, — рассказала Малахиевна, — шамана толкнули случайно... он упал, как мертвый. Целую ночь его откачивали, в бубен били, растирали. К утру только очнулся“.

Снова перерыв: надо бубен погреть... Но и во время перерыва его все качает и трясет. Иногда он запоет что-то... тогда легче станет. Потом снова начинает знобить, как в лихорадке.

Вот опять бубен несут... Новая песня пошла... На этот раз Максим бьет и поет по-новому...

Прислушиваясь к этим непонятным для нашего слуха звукам, все же можно найти в них своеобразную красоту... Это новый шайтан идет, большой шайтан... Максим со страхом ожидает приближения этого нового своего помощника... Он не уверен, его ли это шайтан, поможет ли он. Снова он бросает колотушку... узнает, что все благополучно. Все ближе и ближе новый шайтан. Снова Максима начинает неистово трясти. Он пытается встать. Но прежние духи еще в силе: „Рано..., иди дальше“. Вот большой шайтан забрался в бубен и мигом поднял Максима на ноги...

На этом, собственно говоря, шаманство заканчивается. После короткой песни, где сообщается, что шаману стало легче, начинается гадание. Оно заключается в том, что шаман кидает колотушку всем присутствующим, по очереди. Сперва бросил Ивану „плохо“... Максим обратился к шайтанам, спрашивая их, в чем плохо, что случится. Шайтаны отвечали, что нарочно бросили колотушку плохо — „бубен некрашенный“. Максим попросил их говорить правду... На второй раз колотушка упала хорошо. Обращаясь к Захару и Павлу, Максим рассказывает, что бубен сделан ими, что бубен хорош, просит, чтобы духи хорошо бросили им колотушку. Старухе Аркадьевой три раза колотушка упала неблагополучно. „Бабушка наша шипко грудью хворает“, — пояснила Малахиевна... В углу лежал юрак... За непочтительное такое обращение колотушка и ему упала плохо. Тогда он сел, после чего гаданье ему было благоприятно.

Обо мне шаман долго рассказывал своим шайтанам, что я являюсь настоящим хозяином бубна, что я сам-то не шаман, но шаманов люблю, „поэтому необходимо бросить колотушку хорошо...“

Сеанс длился два часа. Наиболее продолжительной была первая часть, где шаман созывает своих шайтанов и спрашивает их пошаманить».

Из «Дневника Г. Н. Прокофьева»

«9 декабря [1925 г.]

Приехало много народу на Янов Стан. Вечером у меня был инструктор по инородческим потребительским обществам. Он живет в Туруханском крае уже 6 лет... Сообщил мне несколько интересных фактов по Хатангской тундре. Любопытно, что два живущих рядом самоедских племени — авамские и вандеевские — резко отличаются друг от друга по экономике: у одних основой экономики является промысел песка плюс оленеводство, у других — исключительно оленеводство.

10 декабря.

Лыпа — это сплошная этнография. Сегодня мне посчастливилось извлечь из него очень интересные сведения... он нарисовал шамана с ползущими и прилетающими к нему шайтанами. На мой вопрос, кого он изобразил в виде мокриц, он назвал „пухоль“. На мой вопрос, что такое „пухоль“, Лыпа мне усиленно стал пояснять: „Это такой маленький, черный, на деревьях часто бывает осенью. Много ног у него, пушальник делает“.

„Паук?! Но почему же паук у тебя на небе?“

„Как почему? Их там много... Они оттуда проваливаются. Один раз я шел домой, осенью это было. Вдруг вижу падает с неба такой маленький звезда... Близко упал, я чуть рукой не поймал. Я стал искать его, не могу найти! Тогда я домой пошел,— шаман там был. И я попросил его пошаманить, узнать, куда упал звезда... Я потом пошел и нашел — вот этот „пухоль“!

И муравей, и червяк, и бабочка — все они, оказывается, проваливаются на землю с неба: „Там, однако, дырка есть. Мы, остяки, так думаем“.

Посмотришь на эти ясные дрожащие звезды, лучистые, таких не бывает у нас, и начинаешь понимать ход мысли остяка. Если допустить, что в Туруханском крае есть светляки, то гипотеза о проваливающихся с неба пауках и вовсе не покажется странной(...) Куда летят звезды? Конечно, на землю. И вот находят паука, похожего по форме на эти недоступные, далекие живые существа(...) Они дрожат, перебирая своими тоненькими ножками. Этого сходства достаточно, чтобы умозаключить: паук — звезда, провалившаяся с неба.

15 декабря.

У Лыпы добыл снова несколько данных, иллюстрирующих верования. Звезды, оказывается, не одни только пауки, но и корни деревьев, растущих на первом небе (фосфоресцирующие корни?).

Смерть старика считается явлением нормальным. „Это понятно, всякий человек когда-нибудь помрет“. Но смерть человека молодого вызывает недоумение... „Вот, скажи, почему бывает, что человек молодой вдруг помрет... Здесь, однако, дело не без лодза. Мы так думаем...“

После смерти человек в течение трех дней бродит в окрестностях того места, где жил. На четвертый день уходит на небо или под землю...

Мамонт, по мнению остяков, живет и в настоящее время. Живет он под землей. „Землю копает... К реке землю копает... Один раз я ехал на ветке, уток стрелил. Вдруг слышу земля, большой кусок такой в воду упал... Это мамонт копал“.

18 декабря.

Сегодня было заседание школьного совета. Обсуждались заявления Ивана Мандакова и Николая Тетерина об их отказе учиться. Затем обсуждался вопрос питания. Школьный совет пошел навстречу ученикам и ассигновал 150 руб. на пополнение питания мясом, а также на закупку недостающей одежды. Николаю Тетерину предоставить право уйти из школы, если он не хочет учиться. Мандакова же, как сознательного и старательного ученика, просить остаться... Семеном был опять поднят вопрос об остяцком письме: „Я хочу учиться только по-русски, не буду писать по-остяцки“. Вопрос этот, за отсутствием компетентных лиц... был мною снят с обсуждения.

21 декабря.

Два дня пролежал — что-то сердце пошаливает. Устал за последнее время — столько дел, столько неприятностей...

26 декабря.

... На съезде присутствовали четыре юрака. На слух юрацкая речь обладает чрезвычайно характерным признаком, так что ее сразу отличишь от речи остяко-самоедской или тунгусской — почти полное отсутствие гласных и необычайный темп, основой артикуляции служит нос.

30 декабря.

Сегодня было заседание РИКа, обсуждался проект здания под школу и смета на постройку ее (4600 р.). Решено запросить у Туруханского РИКа сумму 2 000 р., а остальную сумму набрать из местных средств. Затем я делал сообщение о работе школы... Работа, при существующих условиях, была признана удовлетворительной...

8 января [1926 г.]

Занимались четыре с половиной часа. Топили баню... Днем у меня сидел Лыпа. Рассказывал про медведя. Остяки избегают называть медведя словом „коргы“, а называют его иносказательно „ильча“, что значит дедушка. Употреблять слово „коргы“ опасно, так как медведь может оскорбиться: „сердиться будет“. Вообще упоминать медведя не следует... особенно опасно говорить о нем во время охоты на уток — обязательно придет.

„Однажды я охотился со своим старшим братом на уток. А он все медведя ругал — пусть придет, я его стрелить буду. Я говорил брату, что плохо делает, он не слушал... Когда стали на берегу чай варить, слышим — лес трещит. Я испугался, на ветку сел... Потом вижу медведь на нас бежит. Брат тоже на ветку сел и скорей обратно поплыли... Шипко злой бывает. А другой — мирный. Особенно злой бывает, когда у него парнишки есть. Его и шевелить не будешь. Прямо на тебя пойдет драться“.

На медведя можно иногда подействовать уговором: „Один раз медведь гонял нашего оленя... Я вышел из чума, вижу — по реке плывет олень, а за ним большой медведь. Я скорее побежал в чум, позвал отца. Оч пришел и говорит: ты, ильча, чего моего оленя гоняешь? Нехорошо так делаешь. Я тебе зла не делал и ты моего оленя не трогай! Ты зачем сюда пришел? Я тебя не поминал, не звал... Уйди к себе домой... Медведь ушел“.

Лыпа увидел на моем столе компас. „Это что, часы?“ — „Нет, компас“. Я объяснил ему, как устроен этот прибор. „Вот как... хитрая голова придумала... Это на белковку хорошо носить — плутать не будешь. А по ветру заплутаться можно“.

9 января.

Занимались 6 часов. Сегодня впервые появилось солнце. С Янова Стана его еще не было видно, оно осталось за горой. Но по освещению леса, по верхнему течению Турухана можно было заключить, что солнце поднялось над горизонтом.

10 января.

Занимались 6 часов. Вечером шаманил Степан Безруких. Бубен Андрея. Форма шаманства обычная. Во время сеанса я обратил внимание на реализм всей обстановки. Никогда не передать всех этих бесконечно мелких подробностей, которыми он создается. Даже кисть самого талантливого художника бессильна перед этой жизненной „некартинной“ правдивостью. Рванный рукав на рубаше шамана, влажность его толстых чувственных губ, блеск потной кожи на лбу и на скулах, складки вокруг зажмуренных глаз.

„Что, семь шайтанов идут?“ — спрашиваю я сидящего рядом со мной Семена.

„Да, семь шайтанов пришли“, — отвечает он мне.

„Не говори, зачем говоришь зря. Русскому человеку говорить нельзя, все равно ничего не понимает“, — взъелась на Семена Захарова мать.

„Как не понимает, он мне сам сказал...“

„И все равно ты зря говоришь. Он ничего не понимает“.

Какой этнографический клад заключен в этой старухе ... Но она злая и упрямая!

Еще одно наблюдение: когда я пошел на сеанс, мне сказали, что будет шаманить тунгус. Я вошел в юрту и вижу Степана Безруких...

„Какой же он тунгус? Он ведь селькуп?“ — спрашиваю я.

„Ну да, считается... но сам-то он тунгус, мать у него тунгуска“. Любопытно, что подобного рода рассуждения встречаю я не впервые... Кыткин считает себя юраком (то же и его сестра). Мать его была юрочкой...

12 января.

Вчера была сильная пурга... Избенка наша по окна зарыта... Стало теплее...

Занимались 6 часов. Лыпа делает блестящие успехи. Складывает и вычитает двухзначные числа без счетов, письменно. Скоро наловчится и в чтении. Списывает с книги почти безошибочно. Поднял сегодня вопрос об учении в Ленинграде. Предложил Лене и Пальчину подумать. Отец категорически заявил, что Леню непустит. Пальчин одинок, его надо будет уговорить. С величайшей охотой я повез бы в Ленинград Лыпу... И самому ему хочется. „Однако, отец пускать меня не будет“...

14 января.

Днем у меня был Лыпа... На мой вопрос, не делают ли остяко-самоеды деревянных изображений шайтанов (юрацкие хане, остяко-самоедские перги), Лыпа мне сообщил, что вырубает их в стволах деревьев: „Это такая земля есть шайтанская... Мимо пойдешь, что-нибудь положить надо, а то худо будет... А потом шаман может сделать такой маленький человек из дерева... и тебе даст..., ты прятать будешь. А если бросишь, то он тебя съест — заболеешь. Вот у нашей стряпки есть такой“...

После беседы с Лыпой пошел к стряпке, посмотреть на шайтана. В изголовье ее койки на стене подвешен футляр из шкуры. Сама хозяйка показала мне содержимое этого футляра. „Перги“ — кукла, окутанная в бесчисленное количество тряпья. Лицо — медная бляха с изображением глаз, рта, носа. В ушах — серьги. К кукле подвешены две беличьих шкурки. Для нее же кладется в футляр кусочек сала дикого оленя.

16 января.

Занимались 6 часов. Вечером приехали Фильченко (фельдшер с Таза) и Захар. Получил посылку от Госиздата из Москвы (тетради, карандаши и др.), вероятно, по ходатайству Богораза. На Тазовскую школу Северным Комитетом при ВЦИКе ассигновано 12 тыс. рублей. Также ассигнованы деньги и на другие тундры.

Рис. 4. Жертвенное место (акварель)

На свои доклады в Туруханский УИК тов. Морозову и зав. ОНО Сизых не имею ответа... Только Морозов просит передать мне, чтобы я не писал впредь о том, что взгляд ученика на школу в основном является коммерческим. Что значит не писать? А если оно на самом деле именно так, нельзя же пред. РИКу мне писать, что подход к школе сознательный, что „на Шипке все спокойно“».

Тяжела была жизнь Прокофьева. В дневнике Георгия Николаевича это отмечается кратко, сухим изложением фактов. Катя в своих воспоминаниях пишет подробнее и эмоциональнее:

«Настали морозы. Окна наши вовсе занесло — чуть не до крыши. В угол, где стоял топчан, наметало снег и он под подушками не таял... И днем пролитая на полу вода сразу замерзала, хоть топились печурка не переставая. Сколько дров я заготавливала на нее (из-за астмы, как уже говорилось, Г. Н. не мог ни пилить, ни колоть дрова). Лелька спала в ушканьем меховом мешке. Днем я заворачивала ее в этот мешок, в одеяло и несла в лес. С первых шагов она засыпала. Мы шли по узкой тропке в глубину леса. Нас всегда сопровождал Рогдай, чудный пес, вылитый волк. В лесу я садилась на пень, Рогдай ложился у моих ног, и я слушала лес...

Эти минуты я помню и сейчас. Я не могу их описать словами... Что-то очень большое входило мне в душу — покой, радость, благоговейный восторг от тишины леса, запорошенного снегом, тихо шумящего, тихо поскрипывающего. Такой тишины никогда не услышишь в городе. И еще ее дополнял снег — нетронутый, чистый, пушистый, приглушающий звук. Неба почти не видно из-за густых ветвей: лиственницы, кедр, ели — закрывают небо... Я лечилась этими часами: как мне ни было трудно и физически, и всяко иначе — здесь всё с меня спадало, все казалось простым, легким, преодолимым... Лелька шевелилась. Мы с Рогдаем шли обратно...».

Дневник Г. Н. Прокофьева:

«17 января [1926 г.]

Утром Фильченко провел осмотр учеников... Фильченко был у меня. Я расспрашивал его о работе. Нет ли у него каких-нибудь сведений по инородческой медицине? Какие болезни чаще встречаются?

Вся инородческая медицина сводится исключительно к шаманству. Никаких трав, ни другого чего-либо. Употребляемое юраками обкуривание бобровой струей тоже всецело носит религиозный характер. Из болезней, наиболее часто встречающихся, надо назвать желудочные заболевания — катар кишок, глисты... Из инфекционных — дизентерия, тиф. Самой страшной болезнью является оспа, но в настоящее время инородец уверовал в прививку, так что с этой болезнью можно бороться...

Корь, скарлатина, дифтерит — совершенно отсутствуют... Болезней сердца не наблюдается. Ревматизм распространен повсеместно.

Условия работы Фильченко весьма трудные. Само собой разумеется, что обслужить такой огромный район, каким является Тазовская тундра, одним фельдшером невозможно.

21 января.

Вечером в РИКе состоялась беседа, посвященная памяти Ленина. Я сделал небольшое сообщение.

27—28 января.

Занимались по 6 часов. Приехали с Таза юраки. У одного из них видел юрацкие очки. Очки эти служат, главным образом, для предохранения глаз.

Вечером Пальчин рассказывал мне о похоронном обряде у юраков. Когда труп зачоченеет, его одевают, вплоть до сокуя, заворачивают в постель, взятую с его нарты, и весь этот пакет, перевязав веревкой, выносят из чума. Для этого приподнимается нюга... Затем, в течение одного дня труп лежит вблизи чума. Здесь колют оленя. Покойнику откладываются голова и ноги. На следующий день везут хоронить. Тазовские юраки хоронят непосредственно в земле... В могилу кладутся все вещи домашнего обихода. Мужчина получает топор, нож, спички, табак, трубку, чашку и т. д. Женщина, кроме всех предметов, к которым она имела отношение, ...получает полчума... Похороны женщины (вернее, жены) могут явиться в полном смысле слова разорением для хозяйства, так как женщина имеет отношение к трем санкам. На каждую из нарт полагается по три оленя, так что покойнице-хозяйке полагается заколоть не менее девяти оленей... Люди после смерти уходят в „свою землю“, которая... отделена от мира живых большой рекой. Большой шаман только может проникнуть в этот мир мертвых; для того, чтобы переплыть через реку, у него на парке имеется „йезе цаку“ — железная лодка. Заурядному шаману лучше и не пытаться проникнуть в загробный мир, так как если он и доберется туда, то там и останется.

10 февраля.

Все это время занятия в школе идут регулярно, занимаемся ежедневно по 6 часов. Все свободное время я употребляю на разбор остяко-самоедских текстов. Работа сложная, но очень интересная. Необходимо ее проделать на месте, так как возникающие при разборке вопросы могут быть здесь же разъяснены.

Насущной задачей является также составление словаря. Не знаю, как я сумею справиться с этой весьма и весьма сложной задачей.

Никаких этнографических происшествий за это время не было, кроме одного — шаманства юрака...

11—12 февраля.

Стоят сильные морозы. Сегодня мороз особенно силен, воздух при вдыхании его так и схватывает грудь. В углу нашей хибарки — иней. Температура — минус 12°.

7 марта.

Занятия идут хорошо. Занимаемся ежедневно. Все свободное время уделяю разбору своих записей остяко-самоедского языка — много в них интересного как в грамматическом, так и в лексическом отношении. Но тема, интересующая меня преимущественно, именно логика первобытного мышления и ее отражение в языке, настолько тонка и совершенно еще нетронута, что работать в этой области в высшей степени затруднительно. И лишь имея в своем распоряжении широкий сравнительный материал... и хорошо изучив один из языков, можно будет приступить. Для примера приведу следующее: в остяко-самоедском языке месяц — *иръэты*, старик — *ира*. В енисейском месяц — *кип*, а старик — *кива*. В юратском — месяц — *йиры*, старик — *иримы*. Несомненно... что корни слов, означающих „месяц“ и „старик“, одни и те же. Какая логическая связь между ними? Вопрос этот осложняется еще и тем, что у енисейцев есть сказки, в которых месяц считается сестрой солнца.

18 марта.

Грандиозное северное сияние.

20 марта.

Приехал Фильченко с пятью ребятами и двенадцатью курами».

После 20 марта в дневнике нет записей до 20 апреля. Георгий Николаевич заносил в дневник то, что считал относящимся к делу. А тут наступили события, к делу не относящиеся: пришла весна. И — захватила сознание. Кто жил на Севере — знает, что значит приход весны. Начинается с «весны света», как назвал это Пришвин. Опишу свои впечатления северной весны. Зима. Снег белой

шубой покрывает землю. Все недвижимо. Вдруг: в шубе появляются дырки; чернеет по пригоркам; сверкают прозрачные струйки, но крепко схватывает их мороз — еще далеко до «весны воды».

На Севере раньше ее приходит «весна птиц». Снег кругом, но солнце стоит высоко и в лучах его начинают сверкать в воздухе птичьи крылья. Стаи птиц, как тучи, плывут по небу. Куда они? Торопливо машут утиные крылья, плавно взмахивают крылья гусей. Переливается гогот: гуси идут треугольниками, один за другим.

Чьи это трубные клики? Лебеди! Белые лебеди в синеве, белые крылья и трубные клики. Люди выбегают из своих нор, поднимают головы. Кричат, подражая лебединым кликам, машут руками. Лебеди отвечают, делают круг над людскими норами. Синий воздух дрожит. Солнце, как золотой лебедь, плывет над землей. Небо трепещет от крыльев.

Весенний прилет птиц поражает воображение: я видела на Колыме, как сверкает красками брачный наряд турухтанов. Стая стремительно спускалась с неба на протаявшую дорогу. У турухтанов черные крылья, красные клювы и широкие воротники золотых перьев. Это брачный наряд: они начинают весенние танцы-бои. Клювы — размахивают как шпаги. Танцуют самцы. Тихо сидят и смотрят серенькие самочки. Новые стаи идут в синеве, заполняют воздух радостным движением. Как благая весть покрывают небо птицы. Кто пережил весенний прилет птиц на Север, тот понимает, почему образ птицы в мифологии северных племен Сибири имеет великое значение: он связан с небом и духами неба, пропитывает верования и действия шамана. Самые важные камлания совершаются в период весеннего прилета и осеннего отлета птиц.

Приход весны заполняет сознание человека на Севере. Даже такой методически четкий человек, как Г. Н. Прокофьев, прервал ритм своих рабочих записей, они становятся предельно краткими, редкими. Весна захватила и Георгия Николаевича, но он не описывает свои переживания.

В его «Дневнике» — краткие записи:

20 апреля.

Заседание школьного совета по случаю окончания учебного года. Погода уже вторую неделю стоит теплая. На Турухане показалась вода, озера всплыли, дорога провалилась.

22—24 апреля.

Пленум РИКа.

26 апреля.

Ученики уехали.

Катя очень кратко, но ярко выразила пережитое:

«Летом солнце почти не заходит. Где кончился день, где началась ночь — можно отличить лишь по тишине, которая наступает в тайге, когда засыпают птицы. Особая, светлая тишина! Весь режим дня сбивается, спать не хочется — такая красота окружает нас в эти светлые таежные ночи. Часто мы с Георгием Николаевичем уходим в тайгу и сидим рядом молча. И без сна мы глубоко отдыхаем. Кажется, эта тишина и красота заполняют все существо чувством счастья... Георгий Николаевич рисует. Это его излюбленные сюжеты — березы и ели, сосны и лиственницы. Он рисует и акварелью и карандашом. Его увлекают и сочетание, переливы зелени, и архитектура стволов и крон.

Но эта счастливая пора длится недолго: с листьями появляется бич севера — комары и, позднее, мошка!».

Летом 1926 г. Г. Н. Прокофьев ездил в Туруханск по делам школы, разъезжал по району, занимаясь этнографией и языками селькупов, энцев, нганасан.

Много времени отнимала школа: кончилось строительство нового школьного здания. Была закончена и квартира для учителя, настоящая квартира: с гол-

ландскими печами, с окнами, как полагается в сибирских домах, где для защиты от морозов ставят не двойные, а тройные застекленные рамы.

С осени 1926 г., после занятий в школе, Георгий Николаевич мог спокойно работать над словарем и грамматикой селькупского языка.

А Катя? — Нянчила ребенка, доила корову, таскала воду и дрова, пекла хлеб, готовила еду. После всех этих дел, урывками, по-прежнему изучала селькупский язык. Так прошла зима.

Летом 1927 г. Г. Н. Прокофьев опять поехал в командировку, на этот раз в Москву и Ленинград, оставив Катю с ребенком в Яновом Стане. В Ленинграде 27 июня он сделал доклад на этнографическом отделении геофака Университета. В присутствии всех профессоров, преподавателей и студентов он рассказал о работе на Яновом Стане. Сообщил, что культура остяко-самоедов примыкает к культуре енисейских остяков, но составляет как бы полуостров врезавшихся с юга самодийских племен среди северных самоедов-юраков. Он, Г. Н. Прокофьев, составил словарь (6 тыс. карточек), собирает материал по строению языка. Он намерен продолжать работу, вернувшись в Янов Стан.

В Москве 2 августа Г. Н. Прокофьев сделал доклад в бюро Северного комитета при ВЦИК о практической работе, привел данные о торговле, о кооперации, рассказал о делах школы. Обремененный славой, к началу учебного года вернулся в Янов Стан. Здесь опять работа в школе и углубленное изучение культуры селькупов, главным образом их языка.

По возвращении в 1928 г. в Ленинград Г. Н. Прокофьев продолжал заниматься самодийскими языками избранного региона. Снова и снова ездил в Обь-Енисейское междуречье, собирая лингвистические материалы. Вел занятия в Институте народов Севера в Ленинграде. Работал в Институте этнографии Академии наук, где ведал отделом Сибири. Готовил докторскую диссертацию. В ее основе — мысль о двукомпонентности этногенеза северосамодийских народов. Как доказал Г. Н. Прокофьев, в формировании ненцев, энцев и нганасан наряду с южносибирскими самодийскоязычными группами, пришедшими в Заполярье из Южной Сибири, приняли участие аборигены высоких широт, населявшие этот регион в послеледниковый период. В сжатом виде гипотеза Г. Н. Прокофьева была изложена им в статье, опубликованной в сборнике «Советская этнография», т. III, 1940 г.

Екатерина Дмитриевна в 1928—1929 гг. занималась обработкой собранных материалов. Весной 1929 г. снова поехала в Большеземельскую тундру: работала на культбазе Хоседа-Харда. В 1931 г. по поручению Комитета нового алфавита для северных народов еще раз ездил в Большеземельскую тундру. В Ленинграде стала преподавать в Институте народов Севера селькупский язык. В 1930-е годы она занималась также составлением и переводом на селькупский язык учебников для начальной школы. Подготовила к печати монографию по селькупскому фольклору. Обработывала совместно с Г. Н. Прокофьевым материалы, собранные в Яновом Стане. И родила еще четырех детей, кроме Лельки.

Настал 1941 г. В блокаду, когда уже не было сил ходить на работу и оттуда домой, Г. Н. Прокофьев переселился в Институт этнографии. Екатерина Дмитриевна осталась дома с пятью детьми. 28 января 1942 г. в блокадном Ленинграде скончался Г. Н. Прокофьев. Вслед за ним умерло двое детей. Дом их сгорел, погибла большая часть материалов и готовая докторская диссертация. С тремя детьми Екатерина Дмитриевна была эвакуирована в Казань. По возвращении она сумела расшифровать и частично переписать сохранившиеся дневники, обработать оставшиеся материалы, написать ряд статей по культуре изучаемых народностей. Умерла в 1978 г. Если бы не Екатерина Дмитриевна, весь труд героической экспедиции юности пропал бы без следа. Оказалось — это была не «семья, сопровождавшая ученого», о которой он в своих дневниках, к сожалению, даже не упоминает, а второй наблюдательный и трудолюбивый этнограф, сумевший спасти для науки визуальные факты культуры народа, среди которого они провели три года.

The Prokofiev Family in Yanov Stan (Diaries from East Siberia in the 1920s)

The article describes a really selfless life and scientific work of the Prokofiev family.

In 1925 two young ethnologists leaved Leningrad for Tazov Tundra, Krasnoyarsky Krai. There G. N. Prokofiev continued his studies of the Selkup and neighbours hbour's anguage and culture. They lived in Yanov Stan settiment for three years. It should be mentioned, that E. D. Prokofieva in spite of difficult life and care of children also studied Selkup language and together with her husband studied the life of native peoples, their customs, rituals, beliefs and psychology. In Leningrad G. N. Prokofiev prepared a dissertation, based on the own linguistic materials. The analysis permitted him to make a well-reasoned conclusions about ethnogenesis of Nothern Samoyed peoples. Unfortunately, G. N. Prokofiev didn't defend his thesis: he died in 1942 in blockadian Leningrad. His house was burned and the most of materials were lost. Some articles devoted to Selkup ethnography were published by E. D. Prokofieva.